

ТРЕТИЙ ЗВОНОК

ВЫПУСК 18-й

**Александр Абдулов,
российский герой-
любовник номер
один побывал
в Уфе. И хотя
основной целью
его визита было,
по-видимому,
посещение местного
казино, попутно он
кое-что рассказал.
Публично.**

Мечтаю о женской... роли

— ...Я мечтаю сыграть женщину. Завидую Дастину Хофману, который замечательно сыграл в «Тутси». Мне Меньшов предлагал сыграть четырех братьев, один из которых — еврей, второй — цыган, третий — узбек, четвертый — русский, причем все они родные, и пятая — женщина. Такая вот комедия.

— В театре самое смешное — это «накладки». Андрей Тарковский в нашем театре поставил «Гамлета», мне дали роль Марцелло — вы его не вспомните никогда. Это тот, который вначале выходит и говорит Гамлету, что к нему, мол, папаша приходил. Я, счастливый, думаю: вот я вначале вышел, дальше я свободен — пошел домой. Вдруг Тарковский придумывает, что в конце гора трупов оживает и кто-то должен сказать: «Смотрите!». Последнее слово. Как вы думаете, кто попал? Я говорю: Андрей Арсень-

вич, я не могу сидеть четыре часа ждать, чтоб сказать одно слово. А он: ты — и все. И я сидел четыре часа ждал. А Толя — Гамлета играл Анатолий Солоницын, царство ему небесное, — он был лысоват — у него была накладка такая сделана, типа паричка. И на одном спектакле, в сцене, когда мертвого Гамлета на помосте несут четыре капитана, у Солоницына вдруг падает эта накладка. И он, лежа на помосте затылком к залу, вдруг делает так: распростертые руки медленно поднимает к голове — мертвый Гамлет! В зале начинается истерика. Я рядышком стоял и эту накладку так р-р-ээ — и пнул куда-то... «Гора трупов» уже лежит — трясется. И дальше начинается страшное. Должно быть так: гасят свет, начинает якобы уже светать, выходит Гамлет, и я должен сказать: «Смотрите!» И вот в это время Толя начинает в потемках искать накладку —

бьется о декорации, какие-то железки... «Где она? Где?» Потом принц датский восклицает: «Нашел!» Тут наконец рассветло, и о, ужас! Выходит Гамлет... в накладке, одетой задом наперед.

— Мне везет — я снимаюсь у своих друзей. После «Черной розы — эмблемы печали» я снялся у Соловьева в фильме «Дом под звездным небом». Так случилось, что там для меня поначалу не было роли. Сережа говорит: «Ну что делать, я хочу, чтоб ты у меня снялся. Главную роль, человека пожилого, играет Ульянов, да еще там мальчишка с девчонкой. Тебе там и делать-то нечего». Я ему: «Сереж, да у тебя я готов сниматься даже в массовке...» И он придумал эпизод: я — алкаш, который на аэродроме ворует баки от самолетов и продает их дачникам как баки для души... Маленькая сценка —

снялся за день. Тут проходит неделя, звонит Соловьев: «Саш, ты знаешь, у меня там Ульянов дальше умирает. Давай, ты на похороны к нему придешь...» Я говорю: «Давай». Сняли сцену, где играет марш и я один из толпы начинаю орать: «Я этого не вынесу». Проходит неделя, звонит Соловьев: «Саш, давай доснимем поминки?» Сняли. Он опять звонит: «Саш, ты вот знаешь — они же там у меня уезжают в Америку... А ты на похоронах был, на поминках, значит, ты их всех хорошо знаешь? Давай, ты их проводишь?» Сняли сцену в аэропорту. Звонит Сергей: «Саш, я их там в конце всех убиваю — давай и тебя убьем?» — «Давай».

...Вот так из небольшого эпизода получилась роль, которая даже вошла в номинацию на лучшую роль второго плана.

Гузель АГИШЕВА.